

— Да, вѣроятно, — заключила Мабель, чтобы перемѣнить разговоръ.

Но Каффинъ заговорилъ не безъ намѣренія и рискнулъ даже разсердить ее, чтобы произвести то впечатлѣнiе, какое ему было желательно. И почти успѣлъ въ этомъ.

— Неужели Гарольдъ правъ, — подумала она. — Винцентъ очень сдержанъ, но мнѣ всегда казалось, что въ немъ есть какая-то скрытая сила, а между тѣмъ, еслибы она была, то проявилась бы въ чемъ-нибудь? Но если даже бѣдный Винцентъ только скученъ, то для меня это все равно. Я все также буду любить его.

Но при всемъ томъ замѣчанiе Каффина помѣшало ей идеализировать Винцента, въ разлукѣ съ нимъ, и посмотрѣть на него иначе, какъ на брата, а этого-то самаго и добивался Каффинъ.

Тѣмъ временемъ самъ Винцентъ, не подозревая — чего дай Богъ каждому изъ насъ — какъ его характеризовалъ прiятель въ присутствii любимой дѣвушки, шелъ на свою холостую квартиру, чтобы провести послѣднiй вечеръ въ Англiи въ одиночествѣ, такъ какъ ни къ какому иному времяпровожденiю у него не лежало сердце.

Уже стемнѣло. Надъ нимъ разстилалось ясное, стального цвѣта небо, а передъ нимъ виднѣлся Камденъ-Гиль, темная масса, съ сверкающими на ней огнями. На скверѣ, сбоку, нѣмецкiй духовой оркестръ игралъ отрывки изъ второго акта „Фауста“ съ такимъ отсутствiемъ выраженiя и такъ фальшиво, какъ только можетъ нѣмецкiй оркестръ. Но разстоянiе смягчало несовершенство исполненiя, и ария Зибеля казалась Винценту вѣрнымъ выраженiемъ его собственной, страстной, но непризнанной любви.

— Я готовъ жизнь отдать за нее, — сказалъ онъ почти вслухъ, — а между тѣмъ, не смѣлъ ей этого сказать... но если я когда-нибудь ворочусь и увижу ее... и если не будетъ слишкомъ поздно... она узнаетъ, чѣмъ она была и будетъ для меня. Я буду ждать и надѣяться.

IV.

НА МАЛАХОВОЙ ТЕРРАСѢ.

Разставшись съ Винцентомъ на Роттенъ-Роу, Маркъ Ашбернъ пошелъ одинъ по Кенсингтонъ-Гай-Стритъ и дальше, пока не дошелъ до одной изъ тихихъ улицъ лондонскаго предмѣстья.